

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1580

О. А. Парфенова

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПОЖИЛЫХ В ВОЛОНТЕРСКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ АКТИВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Парфенова О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 119—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>.

For citation:

Parfenova O. A. (2020) Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a Tool to Overcome Social Exclusion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 119—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>. (In Russ.)

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПОЖИЛЫХ В ВОЛОНТЕРСКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ АКТИВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

Аннотация. Статья посвящена анализу работы НКО с пожилыми людьми, активизируемыми для волонтерской деятельности, направленной на помощь разным категориям населения, включая маломобильных пожилых, и гражданского участия. Автор опирается на концепцию социального исключения, включающую в себя ряд доменов: гражданское участие, сервисы/мобильность, среда/ местное сообщество и другие. Эмпирической базой исследования стали девять полуструктурированных интервью с руководителями НКО и экспертами из разных городов России, материалы веб-сайтов и отчеты НКО, наблюдения за деятельностью НКО и беседы с пожилыми волонтерами. Два НКО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области рассмотрены подробно в качестве эмпирических кейсов. Исследование показало, что активность сообществ пожилых на базе НКО часто выходит за пределы тематических объединений. Участники начинают дружить, навещать друг друга и устраивать совместные праздники; активно помогают разным социальным группам, в том числе бездомным, воспитанникам интернатов,

ENGAGING OLDER PEOPLE IN VOLUNTEERING AND CIVIC ACTIVITIES AS A TOOL TO OVERCOME SOCIAL EXCLUSION

Oksana A. PARFENOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the activities of NGOs designed to bring older people into volunteering and civic participation. The author relies on the concept of social inclusion covering a number of domains: civic participation, services/mobility, habitat/local community, etc. The study is based on 9 semi-structured interviews with heads of non-profit organizations, experts from different Russian cities, materials from websites and reports of NGOs, observation on the activities of NGOs and conversations with elderly volunteers. Two non-profit organizations operating in St Petersburg and Leningrad oblast are considered in detail as empirical case studies. The findings suggest that the activity of older communities as part of NGO activities often go beyond topic-specific associations. Participants become friends, start seeing one another and arrange joint celebrations; they actively help different social groups including the homeless, orphans, handicapped people; they create new communities and interact with local authorities to promote their own ideas; they also try to participate in intergenerational exchange projects. These activities help them overcome social exclusion in

маломобильным пожилым; создают новые сообщества и взаимодействуют с местными властями для продвижения своих идей; участвуют в проектах межпоколенного обмена. Подобная активность способствует преодолению социальной исключенности в таких доменах, как социальные отношения, местные сообщества и среда обитания, гражданское участие, социально-культурные аспекты. Волонтерская и гражданская активность повышают социальную включенность не только пожилых «активистов», но и тех, кому они помогают. К сложностям развития волонтерской и гражданской активности относятся: отсутствие устойчивых паттернов «активной жизни» в пожилом возрасте; неготовность помогать; страх; отсутствие системной подготовки и поддержки волонтеров; негативный опыт участия и последующее разочарование.

Ключевые слова: старение, старшее поколение, волонтерство, добровольчество, НКО, социальное исключение

such areas as social relations, local communities and habitat, civic participation, socio-cultural sphere. Volunteering and civic activities enhance social inclusion not only among elderly “activists” but also among those they help. Difficulties promoting volunteering and civic participation are as follows: absence of stable patterns of “active lifestyle” in old age; reluctance to help; fear; absence of regular and well-organized training and support for volunteers; negative experience and subsequent disappointment.

Keywords: aging, older generation, volunteering, NGOs, social exclusion

Старение нередко сопровождается ослаблением или полной утратой связей во многих сферах жизни: профессиональной, семейной, дружеской. Это приводит к тому, что социальное исключение становится одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются пожилые люди. Исследователи предлагают различные подходы к измерению социального исключения и делают попытки эти подходы систематизировать [Burchardt, Le Grand, 2002, etc.] и применить к отдельным группам, в том числе к пожилым [Social Exclusion..., 2012, etc.]. Современные исследования в странах — членах ЕС демонстрируют, что пожилые люди в гораздо меньшей степени подвергаются социальному исключению там, где высоки расходы на социальное обеспечение (social protection). Уровень дохода и показатели здоровья влияют на социальное исключение в большей степени, чем возраст и пол [Jehoel-Gijsbersv, Vrooman, 2008]. В этом контексте Россия иллюстрирует сложность проблемы: индексы здоровья и уровень жизни пожилых у нас довольно низкие по сравнению с европейскими странами¹. Социальное положение пожилых

¹ AgeWatch Report Card: Russian Federation. HelpAge International: Global AgeWatch Index 2015. URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (дата обращения: 27.07.2020).

людей в российском контексте характеризуется множественными структурными барьерами, препятствующими активной жизни. Часть этих барьеров преодолеть чрезвычайно сложно: они связаны с состоянием здоровья пожилого человека и его маломобильностью, слаборазвитой инфраструктурой и затрудненным доступом к различного рода сервисам. Уязвимое положение пожилых подкрепляется не только их неудовлетворительным материальным обеспечением, но и сужением круга профессионального, дружеского и семейного общения и поддержки [Парфенова, 2016]. Последнее во многом является следствием глобальных трендов, связанных с миграцией, ростом количества нуклеарных семей и большей занятостью женщин на рынке труда, что влияет на потоки заботы и финансовой поддержки между поколениями [Арбер, 2016].

Д. Сапонов и А. Смолькин исследуют особенности социальной эксклюзии пожилых в России и возможности ее измерения на основе данных количественных опросов. В качестве ключевых доменов инклюзии авторы выделяют семью, социальное окружение, работу и социальную активность [Сапонов, Смолькин, 2012]. К сожалению, указанное исследование не получило дальнейшего развития. Интеграции пожилых в современное российское общество, по мнению исследователей, препятствуют негативные установки в отношении старости и возможности активного участия пожилых в жизни общества [Ноянзина, Максимова, 2018].

Государственные социальные сервисы в крупных городах помогают частично преодолеть ситуацию социального исключения «активным» клиентам досуговых отделений, но сохраняют статус-кво изолированных маломобильных пожилых [Парфенова, 2016]. В городском контексте пожилые клиенты социальных служб испытывают одиночество вследствие раздельного проживания с детьми и утраты тесных связей и контактов, а социальный работник является для них единственным человеком, с которым они общаются регулярно [Соболева, 2017]. При этом нахождение пожилого человека в семье или стационарном учреждении не означает автоматически большей включенности, а иногда генерирует дополнительные риски: периодически в СМИ возникают сюжеты о жестоком обращении с пожилым людьми в рамках стационаров или внутри семьи. По данным метаанализа, проведенного ВОЗ в 28 странах с разным уровнем жизни, 15,7% людей в возрасте 60 лет и старше подвергались каким-либо формам жестокого обращения. Это может быть как жестоким обращением в семье, так и в стенах домов престарелых и медицинских учреждений. Одним из факторов, усугубляющих насилие над пожилыми, являются эйджистские стереотипные представления о пожилых как о немощных, слабых и зависимых людях². В России тема насилия в отношении пожилых является очень болезненной и практически неисследованной. В сельском контексте исследователи выделяют три уровня социального исключения пожилых: организация быта в пределах собственного жилья, доступ к благам инфраструктуры в пределах поселения и доступ к ресурсам социально-медицинского обслуживания за пределами поселения [Богданова, 2019: 288]. Помимо семьи и социальных служб, в качестве провайдера заботы выделяется местное сооб-

² Плохое обращение с пожилыми людьми // Всемирная организация здравоохранения. 2020. 15 июня. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/elder-abuse> (дата обращения: 27.07.2020).

щество, которое в малых населенных пунктах имеет потенциал для того, чтобы помочь преодолеть социальное исключение пожилым [там же].

В целом, международные исследования констатируют недостаток академических работ, посвященных социальному исключению пожилых людей во всем мире. Это ограничивает возможности развития релевантной политики и практических мер [Walsh, Scharf, Keating, 2017]. В России параллельно со старением населения и развитием государственных социальных сервисов активно формируется сегмент НКО, работающих с пожилыми. При этом работа ведется как с «активными» пожилыми, так и с маломобильными, поскольку новый 442 ФЗ дал возможность НКО выступать в роли поставщиков социальных услуг наряду с государственными сервисами, что создало конкурентную среду [Парфенова, Петухова, 2019]. Включение НКО в поле социального обслуживания на региональном уровне происходит разными темпами, в зависимости от существующих барьеров и возможностей. В части работы с пожилыми как со стороны НКО, так и со стороны государственных сервисов можно наблюдать постепенный дрейф от сугубо «досуговых» форм к предполагающим более активное участие пожилых, в том числе к волонтерству.

Активное участие пожилых в жизни общества, в том числе в качестве волонтеров, является распространенной практикой в западных странах. Положительное влияние волонтерской деятельности на благополучие пожилых вне зависимости от их расы, пола и социального положения показали количественные исследования еще в начале 2000-х годов [Morrow-Howell et al., 2003]. Волонтерство в возрасте 65 лет и старше, особенно в совокупности с предшествующим низким уровнем социальных контактов и одиночным проживанием, по оценкам исследователей, может даже снижать риск смерти [Musick et al., 1999]. Более поздние работы конкретизируют: вовлечение в волонтерскую деятельность, действительно, снижает риск смерти, но только для тех волонтеров, чьи мотивы ориентированы не на себя (self-oriented), а на других (other-oriented) [Konrath et al., 2012]. Для пожилых людей с более низким социально-экономическим статусом регулярное участие в волонтерстве приводит к более выраженным благоприятным последствиям для их психологического состояния в сравнении с пожилыми, имеющими более высокий социальный статус [Tang et al., 2010]. Обзоры имеющихся исследований говорят о том, что участие в волонтерстве способствует уменьшению симптомов депрессии, улучшению самооценок здоровья, ослаблению функциональных ограничений и снижению риска смерти. По мнению исследователей, имеющиеся данные обеспечивают основу для модели, предполагающей, что волонтерская активность повышает социальную, физическую и когнитивную активность, что благодаря биологическим и психологическим механизмам приводит к улучшению функционирования и может быть связано с уменьшением риска развития деменции [Anderson et al., 2014]. Однако для России волонтерство, или добровольческая деятельность³ пожилых является относительно новым опытом и практикой, пока что не получившими массового распространения. Одно из крупнейших волонтерских межрегиональных объединений — «Серебряный возраст» — возникло в 2000-х гг. Наиболее

³ В данном исследовании волонтерство и добровольчество употребляются как синонимы.

свежие отчеты на сайте организации сообщают о том, что в Санкт-Петербурге за 2018 г. к участию в волонтерстве были привлечены 120 пожилых⁴, а акцент в фотоотчетах и самопрезентациях делается на организационное волонтерство (Олимпийские игры в Сочи).

Автор данной статьи фокусируется на анализе работы НКО с пожилыми людьми, активизируемыми для волонтерской и иной активности, направленной на помощь разным категориям населения (включая маломобильных пожилых) и повышение гражданского участия пожилых. Основные исследовательские вопросы статьи:

1. Как влияет работа НКО по привлечению пожилых к волонтерству и активной деятельности на их социальную включенность?
2. В чем заключаются сложности, эффекты и перспективы такого включения?

Анализ материала опирается на концепцию «социального исключения» (social exclusion) в ее многомерном формате, включающем в себя ряд ключевых доменов, таких как гражданское участие, сервисы/мобильность, среду/местное сообщество и другие.

Теория и методология

Расширяя понятие бедности и материальных ограничений, исследователи показали, что эксклюзия определяется не только как отсутствие материальных возможностей, но и как совокупность различных ограничений (в образовании, медицинских услугах, получении работы и т. п.), препятствующих социальной и системной интеграции индивидов и групп [Sen, 1999]. Эксклюзию стали интерпретировать не просто как материальные, но и как символические ограничения, разрушение социальных и символических связей [Silver, 1994]. Вертикальная классовая дифференциация сменилась горизонтальной, в которой индивид может быть инсайдером или аутсайдером [Абрахамсон, 2001]. Испытывать социальную эксклюзию могут как индивиды, так и отдельные группы [Levitas et al., 2007]. Критикуя тот факт, что нередко активное старение сводится к продолжению профессиональной занятости, исследователи предлагают возможные направления для переосмысления восприятия старения. Старение может ассоциироваться с «позитивным уединением» и возможностью созерцать, усилением межпоколенной солидарности и новыми возможностями долголетия [Биггз, Хаапала, 2016]. В этом отношении развитие добровольческой и иной деятельности, провоцирующей внешнюю активность для людей «третьего» и «четвертого» возрастов, открывает новые возможности для занятости, уже не профессиональной, и самореализации, и таким образом позволяет преодолеть или снизить социальную исключенность.

Обзор существующих исследований позволил выделить шесть ключевых доменов, в рамках которых рассматривается социальное исключение в пожилом возрасте: среда обитания и сообщество (neighbourhood and community); сервисы, инфраструктура и мобильность (services, amenities and mobility); социальные

⁴ Отчет о проделанной работе по проекту «Комплексный подход к обеспечению занятости пенсионеров и людей предпенсионного возраста» за период с 1 декабря 2017 г. по 30 апреля 2018 г. Санкт-Петербург и Ленинградская область // Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст». URL: <http://silveryears.ru/index/otchety/> (дата обращения: 27.07.2020).

отношения (social relations); материальные и финансовые ресурсы (material and financial resources); социально-культурные аспекты (socio-cultural aspects); гражданское участие (civic participation) [Walsh, Scharf, Keating, 2017]. Каждый из доменов включает в себя несколько субдоменов. Волонтерство и общая гражданская активность являются частью домена «гражданское участие». Как будет показано в рамках данного исследования, волонтерство и гражданская активность благоприятно влияют и на соседние домены.

Методология исследования включает в себя анализ двух кейсов — двух НКО, работающих с пожилыми людьми. Кейс № 1 находится в Санкт-Петербурге, а Кейс № 2 — в городе Ленинградской области. Помимо этого в анализе использованы материалы девяти полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками НКО и экспертами по оценке программ НКО в сфере работы с пожилыми из разных городов (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Москва, Казань), информация веб-сайтов НКО и наблюдение за их деятельностью, а также материалы бесед с пожилыми волонтерами и «курсистами» — пожилыми людьми, активно участвующими в деятельности НКО. Все данные были собраны в 2019 г., большинство интервью были взяты лично, часть — по скайпу. В рамках данной статьи автора интересует, как НКО продвигают идеи заботы и взаимоподдержки и проводят рекрутирование волонтеров среди пожилых людей. Анализ интервью выполнен с использованием метода тематического кодирования [Miles, Huberman, 1994]. Для удобства восприятия результаты оформлены в виде анализа двух кейсов, внутри которых использованы разнородные материалы исследования. Условно кейсы названы «Трудности волонтерства» и «Радости волонтерства», и в соответствии со своими названиями они иллюстрируют различные аспекты добровольческой деятельности и попыток ее организовать.

Исследование имеет два ограничения. Первое из них — это отсутствие фокусированных интервью с пожилыми волонтерами и активистами. Такие материалы смогли бы полнее раскрыть смыслы и значение волонтерской и гражданской активности в их жизни. Второе ограничение состоит в том, что в статье не рассматриваются волонтерские проекты на базе государственных сервисов, хотя они, безусловно, существуют.

Результаты

Кейс 1. «Трудности волонтерства» (Санкт-Петербург)

НКО А⁵ является организатором «Школы третьего возраста» (далее — Школа) в течение многих лет. Первоначально Школа базировалась на базе государственного учреждения, затем оформилась в отдельное НКО А. Организационное волонтерство пожилых на мероприятиях данное НКО практикует давно, однако в последние годы оно стало внедрять среди своих курсистов идеологию «не только брать, но и отдавать». В 2019 г. в рамках гранта был реализован проект, суть которого заключалась в помощи маломобильным пожилым людям со стороны активной части пожилых людей. Это называлось «кейсами взаимопомощи». Здесь важно сказать, что идеология НКО А изначально была такова, что маломобиль-

⁵ Настоящие названия организаций в данном тексте не употребляются.

ный пожилой, нуждающийся в помощи — не клиент; он также может поддержать в ответ на помощь и чем-то поделиться с волонтером. Такое видение существенно отличается от подхода социальных служб. Понимая сложность ситуации изоляции, одиночества и тотальной исключенности, в которой оказываются маломобильные пожилые, активисты совместно с НКО сделали акцент на работу с их воспоминаниями. Это оформлялось в виде цикла бесед волонтеров с подопечными об их жизни, значимых и памятных моментах. Такие беседы, помимо развития мыслительной способности и эмоционального подъема, по мнению инициатора, помогают пожилым переосмыслить свою жизнь и обрести точку опоры в сложной ситуации: «Самое главное, что у пожилых людей, которые сегодня находятся не в самой благополучной жизненной ситуации (одиночество, зависимость от внешней помощи, проблемы со здоровьем), появляется чувство, что „все неслучайно“, что у них есть основания для того, чтобы гордиться собой (своим характером, поступками, возможностями преодолевать жизненные трудности). Порой воспоминания становятся опорой и источником внутренних ресурсов, чтобы жить дальше и находить смысл и радость жизни, пусть даже в ограниченных условиях⁶».

Перед реализацией описанного проекта в 2018 г. были проведены фокус-группы с выпускниками Школы третьего возраста с целью выяснить, готовы ли они взять на себя помощь пожилым. На фокус-группах обсуждалось, готовы ли участники помогать, что именно они готовы делать и какие для этого нужны навыки. В качестве потенциальных маломобильных подопечных были выбраны также бывшие выпускники Школы. На старте собралась группа активных пожилых волонтеров из 20 человек (16 женщин и 4 мужчины). Был произведен обзвон как активных пожилых (на предмет волонтерства), так и маломобильных пожилых (предложение помощи). На этом этапе активисты столкнулись со сложностями: желающих заниматься волонтерством в помощь маломобильным пожилым было мало. Вот как комментирует это руководитель НКО:

О.: И знаете, что любопытно? Я ведь сама беседовала: «А сколько у Вас времени? А сколько Вы готовы потратить? А готовы ли Вы потратить четыре часа в неделю? А готовы ли Вы выполнять эту работу?» Естественно, мне было важно понять, почему человек ставит эту стену. <...> Основным мотивом было: «Это сложно. Это психологически тяжело!»

В.: То есть: «Я не готов помогать другим, потому что мне это тяжело?»

О.: «Мне тяжело. Время есть, но мне тяжело. Я хочу больше позитивных каких-то форм,» — развлекательных, как выяснилось. (Интервью 1, руководитель НКО, Санкт-Петербург)

Этот фрагмент хорошо иллюстрирует сложности в рекрутировании пожилых для добровольческой деятельности, которая не сводится к организационным активностям на мероприятиях, а направлена на помощь другим людям, в данном случае — пожилым. Сложности с внедрением новых форм и программ в работе с пожилыми озвучивает и эксперт по оценке программ для пожилых:

⁶ Чернышева С., Агапова О. Проект «Добрые соседи» или: как добавить осознанность в собственную жизнь? // Дом проектов. 2020. 27 февраля. URL: <https://hprojects.ru/проект-добрые-соседи-или-как-добави/> (дата обращения: 27.07.2020).

Второй существенный момент — это то, что сами благополучатели, они ориентированы на отдельные конкретные формы работы, то есть это экскурсии, вечера песни, концерты, какие-то встречи праздничные. И очень трудно эти форматы менять. Они остаются неизменными годами, десятилетиями, фактически, если хочешь что-то поменять, то [это] в очень большом сопротивлении происходит. (Интервью 8, эксперт по оценке программ НКО)

Таким образом уже на этапе привлечения пожилых к непривычному для них формату участия, в котором они являются не «благополучателями», а, скорее, наоборот — отдающей стороной, возникли сложности: не всем и не сразу это оказалось интересно. В результате активисты обзвонили 300 выпускников. Из них 10 согласились быть подопечными. Волонтеров через год осталось 6 человек (1 мужчина и 5 женщин). Задачи волонтеров сводились к работе в колл-центре и визитам к маломобильным подопечным. Основная цель была — не заменить, а дополнить функции социальных служб, делать с маломобильными гимнастику, упражнения, беседовать. Задачи — тренировка памяти, прогулки, использование интернета, формулирование истории жизни (автобиографии).

Помимо сложностей с привлечением волонтеров, НКО столкнулось и со сложностью в поиске маломобильных подопечных. Публикации в газетах не дали результатов. Вот как это комментирует руководитель проекта:

О.: Я делала статью в апреле, делала статью в газете «Полезный пенсионер» об этом проекте, о том, что мы предлагаем. Все очень четко: «Люди одинокие, звоните нам! Потому что это общественная дружеская поддержка». <...> Ни одного звонка! 150 тысяч тираж. Потому что люди боятся. «Кто эти люди?» — если придут. (Интервью 1, руководитель НКО, Санкт-Петербург)

На сайте организации сама идея помощи маломобильным пожилым и опыт ее организации также отрефлексированы руководителем организации, который отчетливо сформулировал трудности: «Здесь проявился целый ряд противоречий: между абстрактно-позитивной готовностью волонтеров участвовать во взаимодействии с маломобильными пожилыми и необходимостью на практике брать ответственность за регулярность встреч; между дефицитом общения маломобильных людей и их готовностью „открыть двери“ малознакомым людям; между желанием волонтеров заниматься досугом подопечных и нехваткой знаний и практических умений в этой сфере»⁷.

Другой пример, из республики Татарстан, также иллюстрирует сложности, которые возникают у готовых к активной помощи волонтеров. В этом случае речь идет о подопечных детях из «трудных семей»:

<...> Бабушки должны были помогать детям из семей со сложной жизненной ситуацией, а, соответственно, там дети были очень разные, и семьи тоже были очень разные.

⁷ Чернышева С., Агапова О. Проект «Добрые соседи» или: как добавить осознанность в собственную жизнь? // Дом проектов. 2020. 27 февраля. URL: <https://hprojects.ru/поект-добрые-соседи-или-как-добави/> (дата обращения: 27.07.2020).

И бабушкам это очень тяжело давалось. И поэтому этот проект мы еще пытались тянуть, развивать несколько лет, но память о том, как им это было тяжело, она очень мешала. Потому [что] семьи, действительно, были тяжелые: кого-то прав собирались лишать, где-то родители — алкоголики, где-то дети с отклонениями. Вот такая специфика, к которой мы пытались подготовить, но им было тяжело. (Интервью 5, руководитель НКО, респ. Татарстан)

Можно предположить, что во многом эти сложности вызваны отсутствием профессионализации и системного подхода к подготовке волонтеров. Опыт участия в организационном волонтерстве не означает автоматически готовность и способность человека оказывать регулярную поддержку уязвимым группам (заниматься с маломобильными, «трудными» детьми). Анализируя развитие волонтерства в России, исследователи фиксируют отсутствие четких ролевых паттернов и ставки на профессионализм по сравнению с европейскими странами — к примеру, Германией [Истомина, Старовойт, 2016].

Примечательно, что идеи и знания, которыми активно делится НКО А, и в частности его руководитель, были восприняты другими НКО и успешно воплощены в жизнь, что является само по себе очень ценным результатом в части распространения «лучших практик». Ниже рассмотрим подробнее этот кейс.

Кейс 2. «Радости волонтерства» (Ленинградская область)

НКО Б, которое мы рассмотрим в этом кейсе, работает в одном из городов Ленинградской области. Первоначально, как и в прошлом кейсе, это была «Школа третьего возраста» на базе государственного учреждения (с 2008 г.), которая с 2018 г. оформилась в отдельное НКО. Автономизация позволила инициаторам Школы более гибко планировать расписание, содержание курсов, стоимость обучения. В свое время руководитель и сотрудники НКО познакомились с зарубежным опытом организации работы с пожилыми людьми во время командировок в Германию и Финляндию. Когда все начиналось в 2008 г., центр социального обслуживания населения дал небольшое помещение, но курсы для пожилых оказались востребованными. Принцип работы с новичками состоял в следующем: после набора 30 курсистов создавались группы взаимоподдержки, в которых участники восстанавливали и развивали навыки общения. Как констатирует нынешний руководитель НКО, «без общения нету радости в жизни» (интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.), поэтому в отношении пожилых НКО Б формулирует задачи: дать возможность раскрыть себя и сделать так, чтобы было интересно общаться. Важен опыт курсистов, важно вернуть их веру в себя, и в этой области получается добиться видимых результатов: некоторые курсисты из первого набора уже очень возрастные и не посещают Школу, но общаются между собой и собираются до сих пор, «сообщества крепкие и люди дружат» (интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.). Важна также и потребность в движении — это в свое время привело к созданию клуба скандинавской ходьбы. Кроме нее на базе школы существует множество разных форм активностей для пожилых, оформленных в более чем 20 клубов (гимнастика, путешествия и краеведение, кулинария, совместные праздники, танцы, хор, йога, ИЗО и др.).

Многие клубы возглавляют сами пожилые — инициативные курсисты. Сегодня в НКО Б работают 5 штатных сотрудников и 12 человек по договорам подряда, в деятельность включены около 300 курсистов, 90 из них занимаются волонтерской деятельностью. Ключевая идея, которую транслирует НКО Б, состоит в том, что Школа — это ресурсный центр по развитию сообществ пожилых людей, а ее задачи — активизировать и поддержать пожилых, их сообщества.

Транслируя идеи взаимопомощи, НКО Б последовательно развивает волонтерские инициативы: *«Нацеливаем людей на добровольчество, на тех, кому нужна помощь больше, чем им»* (интервью 3, руководитель НКО, Ленинградская обл.). Пожилые волонтеры выезжают в ПНИ, медико-социальные центры, центры сестринского ухода, реабилитационные центры, школы-интернаты:

То есть мы вывозим в такие учреждения и показываем, как живут люди одинокие, не мобильные, и чем они могут заниматься. И чем наши активные такие, здоровые еще достаточно люди могли бы им помочь. Отсюда выходят вот какие-то инициативы. (Интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.)

Примеры инициатив в своем интервью приводит директор НКО, они также размещены с фотоотчетами на сайте организации и в сообществе в социальной сети. Среди них можно назвать Клуб вязания, который сотрудничает с фондом помощи бездомным и вяжет для них носки и варежки, а также вяжет теплые изделия для многодетных семей и детей в интернате. Другое сообщество-кружок, Кукольный театр, ставит спектакли, и гастролирует, в том числе в детских садах и школах. Помимо этого, он получил муниципальный грант на сумму 75 тыс. руб., которые были потрачены на реквизит. Есть и другие инициативы: танцевальная студия, которая проводит выступления в социальных учреждениях; кружок рукоделия, который проводит мастер-классы, в том числе в детских интернатах и стационарах для пожилых.

Отдельное направление в рамках гранта благотворительной организации — поиск волонтеров для посещения маломобильных на дому. Поиск производился среди своих учеников (пожилых), а также через объявления в местной газете. В результате вызвались около 20 добровольцев (65—70 лет) из тех, кто *«не могут пройти мимо чужой беды»* (Интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.) и 30 маломобильных подопечных на дому, которых нашли через посредничество Совета ветеранов. Волонтерам были розданы специальные тетради с вопросами и заданиями для пожилых, которые призваны стимулировать мозговую и эмоциональную деятельность. Сотрудники НКО и волонтеры занимаются с пожилыми сами, а также обучают работе с такими тетрадями родственников. В рамках этого проекта была подготовлена выставка коллекций маломобильных пожилых: *«Чемодан воспоминаний»*. В качестве основных затруднений руководитель проекта выделил следующие: сложности с привлечением волонтеров к маломобильным — *«смотреть на них тяжело»* (Интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.), — а также особенности отношения маломобильных участников к волонтерам — их воспринимают как домработников. Трудно просто прийти пообщаться и поддержать, поскольку каждый раз волонтер получает запрос:

«А что вы мне подарите?» Пожилые часто не делают различий между организациями, предлагающими им помощь:

Благополучатели этой программы вообще не делают различия между мероприятиями, которые проводит государство для них, в том числе муниципальные советы, сообщество ветеранов и так далее, и тем, что проводят некоммерческие организации. Если сказать честно, то они считают, что все, что для них делается, это делается государством. (Интервью 8, эксперт по оценке программ НКО)

Помимо организации активностей (кружков) и развития волонтерской деятельности пожилых, НКО занимается «воспитанием гражданской активности». Это выражается в том, что они приглашают представителей местной власти на встречи с пожилыми и таким образом провоцируют диалог и активное участие пожилых в жизни собственного города. У НКО существуют и другие примеры мобилизации сообществ пожилых. Летом Школа проводила йогу на улице, чтобы привлечь новых курсистов. В итоге после окончания лета сложившаяся активная группа добилась у спорткомитета помещения и тренера для продолжения занятий:

Они написали заявление, собрали подписи свои 30 человек и отнесли в спорткомитет, чтобы им дали помещение, чтобы оплатили тренера, что они хотят заниматься. И самое интересное, что поддержали. Толпа пришла — 30 человек — в спорткомитет, они там были все в шоке. Поддержали сразу: дали бесплатно помещение, оплатили тренера за маленькие деньги, но тем не менее. (Интервью 3, руководитель НКО, Ленинградская обл.)

Помимо клуба любителей йоги, сложилась группа активисток помощи домашним животным. Эти примеры хорошо иллюстрируют изменения в сферах «гражданского участия», «сообществ и среды обитания», «социальных отношений» — пожилые курсисты выстраивают новые цепочки взаимодействий друг с другом, с НКО, с местными органами власти. И эти новые цепочки открывают возможности для активности в тех сферах, которые ранее были «закрыты», помогают «включиться» путем развития новых контактов, практик и проектов.

Эксперты на материалах фокус-групп с пожилыми волонтерами фиксируют широкий диапазон возможных мотивов для участия в волонтерских проектах и мероприятиях:

<...> Это не всегда про волонтерство и не всегда про то, чтобы съездить на экскурсию. Это было что-то... Да, это про общение было. Это про самореализацию, наверное, и про дело какое-то, которое хочется реализовать с людьми вместе. <...> Рассказывали о том, что часто люди переезжают или меняют сферу, место жительства. Уезжают, допустим, за детьми. Или когда они теряют дружеские связи, потому что они перестают работать и общаться с определенным пулом людей. То есть какие-то такие вещи про общение больше. И про новые форматы занятости в широком плане, в том числе и профессиональной. (Интервью 7, эксперт по оценке программ НКО)

Таким образом, мы видим, что участие пожилых в активностях, в том числе волонтерской деятельности, затрагивает разные сферы — и социальные отношения, и гражданское участие, и местные сообщества, и среду обитания, и социокультурные аспекты. Собранные данные показывают, что пожилой человек может выступать актором, способным взаимодействовать с властями местного уровня, не только потреблять, но и отдавать другим, помогая разным группам (маломобильным, воспитанникам интернатов, бездомным), участвовать в межпоколенном обмене. Подобная активность, помимо прочего, приводит к трансформации социально-культурных аспектов исключения, включающих в себя эйджизм и возрастную дискриминацию, символическое и дискурсивное исключение. У пожилого человека появляется возможность и инструмент, чтобы реализоваться и стать «видимым» в обществе.

Среднестатистический портрет курсистки/ волонтерки информант охарактеризовала следующим образом: чаще всего это женщины с высшим образованием, 68—69 лет, которые привыкли жить активно. Отдельными голосами звучат их реплики по поводу волонтерской помощи. На мой вопрос «Зачем вам это [помогать другим] нужно?» я услышала в ответ: «Они сидят как звери в клетке, а мы приезжаем, у них лица просветляются»; «Мы чувствуем себя нужными, заняты чем-то»; «Мы хотим не только брать, но и делиться»; «Не сидим, не киснем дома, делом заняты»; «Я раньше со всеми спорила, ругалась. Сейчас я спокойная. Муж так удивляется. Я сюда прихожу, общаюсь, делом занята» (из беседы с курсистами НКО Б, Ленинградская обл.).

В Школе стараются проводить мероприятия, на которых собираются все клубы три-четыре раза в год «для поддержания чувства сплоченности» (интервью 3, руководитель НКО Б, Ленинградская обл.). С 2011 г. программа Школы распространилась на другие районы Ленинградской области, в частности в другие государственные центры социального обслуживания (КЦСОНЫ), на базе которых возникли 15 университетов; четыре филиала Школы открылись в Гатчинском районе. Школа активно сотрудничает с разными организациями: другими НКО, Советом ветеранов, общественными и культурными организациями, студентами-практикантами (будущими соцработниками).

Заключение и дискуссия

Социальное исключение — одна из основных проблем, сопровождающих старение. Участие в волонтерской и гражданской активности способно помочь пожилому человеку частично преодолеть эту проблему и повысить собственную «включенность». Проведенное исследование показывает, что существуют успешные примеры работы НКО в части развития волонтерских сообществ и активизации гражданской активности в среде пожилых. НКО в данном случае выступают в роли ресурсных и объединяющих площадок, на которых пожилые успешно создают тематические сообщества. Участие в активностях, предлагаемых НКО, и непосредственно волонтерская и гражданская активность, направленные как на помощь разным социальным группам, так и самоорганизацию и проекты для своих сообществ, способствуют преодолению социальной исключенности сразу в нескольких сферах. К ним относятся: социальные отношения, местные сообщества и среда обитания, гражданское

участие и в социально-культурные аспекты. На практике это выражается в том, что активности сообществ пожилых выходят за пределы тематических (кулинарии, финской ходьбы, рукоделия и т.д.): участники начинают дружить, навещать друг друга и устраивать совместные праздники, помогая самим себе и друг другу избежать изоляции и одиночества. Это способствует преодолению социального исключения в сфере социальных отношений и среды обитания. Создание новых сообществ и взаимодействие с местными властями для продвижения своих идей повышает вовлеченность в домене «гражданское участие». Участие в проектах, нацеленных на межпоколенные контакты (совместные мероприятия со школьниками, детсадовцами и их родителями), помимо развития новых сообществ, приводит к снижению стереотипного восприятия пожилых как «уязвимых» и снижению эйджизма, что улучшает ситуации в домене «социально-культурные аспекты». Эти результаты согласуются с упомянутыми во введении исследованиями о благоприятном влиянии волонтерства на жизнь пожилых людей в самых разных аспектах.

Данное исследование позволило выявить сложности в организации волонтерской работы и повышении гражданской активности пожилых. К ним относятся: отсутствие устойчивых паттернов «активной жизни» в пожилом возрасте, неготовность помогать другим, страх, отсутствие системной подготовки и поддержки волонтеров, негативный опыт участия и последующее разочарование. Это согласуется и с результатами массовых опросов. Согласно опросам ВЦИОМ, наиболее слабый интерес к добровольчеству и благотворительности демонстрируют россияне в возрасте от 60 лет и старше: только 46% респондентов из этой группы готовы включаться в упомянутые виды деятельности. Для сравнения: более молодое поколение в возрасте от 18 до 44 лет насчитывает более 80% готовых помогать другим⁸.

Государство в лице сервисов и локальных администраций не заинтересовано в партнерских отношениях с пожилыми и НКО, предлагающими «продвинутый», а не развлекательный, досуг и возможности создания новых сообществ [Дмитриева, 2018]. Тем не менее сотрудничество с государственными сервисами нам представляется наиболее перспективным, поскольку именно они обладают широкой базой как маломобильных, так и активных пожилых клиентов, нуждающихся в помощи и готовых помогать, и степень доверия к таким институтам в обществе высока. Примерами продуктивного обмена между НКО и государственными сервисами служат, например, реализованные проекты «бабушек-нянь»⁹: это «Бабушка на час»¹⁰ (КЦСОН Ленинградской области) или «Экспресс-бабушки»¹¹ («серебряные волонтеры», КЦСОН Орловской области). Суть проектов состоит в том, что пожилые женщины присматривают за детьми за небольшую плату. Проекты направлены на помощь молодым мамам и стимулируют занятость активных неработающих пожилых женщин, давая им небольшой заработок.

⁸ От милостыни — к волонтерству: как меняется благотворительность в России // ВЦИОМ. 2019. 4 сентября. № 4048. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9878> (дата обращения: 27.07.2020).

⁹ Инициативы развивались силами «Социального акселератора» при ЦРНО (Центре развития некоммерческих организаций).

¹⁰ Бабушка-забота // Вконтакте. URL: <https://vk.com/babushka.zabota> (дата обращения: 27.07.2020).

¹¹ В Орловской области появились «экспресс-бабушки» // Агентство социальной информации. 2018. 13 сентября. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/09/13/orel-oblast-ekspress-babushki/> (дата обращения: 27.07.2020).

Одним из важных выводов исследования является то, что пожилые люди могут выступать не только в роли тех, о ком заботятся (подопечных), но и в роли активных агентов заботы и самозаботы. Участие в волонтерстве и гражданская активность способствуют снижению социальной исключенности не только среди пожилых «активистов», но и среди тех, кому они помогают. Такое самовосприятие старшего поколения и их восприятие со стороны более молодых способствует изменению дискурса о пожилых как уязвимых и «доживающих».

Список литературы (References)

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158—166.

Abrahamson P. (2001) Social Exclusion and Poverty. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 158—166. (In Russ.)

Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е. В. Вьюговской, А. А. Ипатовой // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 2. С. 59—78. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.04>.

Arber S. (2016) Gender, Marital Status and Intergenerational Relations in a Changing World. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 59—78. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.04>. (In Russ.)

Биггз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 2. С. 46—58. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.03>.

Biggs S., Haapala I. (2016) Long Life, Mutual Understanding and Generational Empathy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 46—58. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.03>. (In Russ.)

Богданова Е. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения // *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства*: сб. ст. / под редакцией Е. А. Бороздиной, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 277—310.

Bogdanova E. (2019) Care Regime for Elderly People with Limited Mobility in Peripheral Settlements: Successes and Failures in Overcoming Social Exclusion. In: Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (eds.) *Critical Sociology of Care: the Crossroads of Social Inequality*. Saint Petersburg: EUSP Press. P. 277—310. (In Russ.)

Дмитриева А. В. Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг? *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16. № 1. С. 37—50. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-37-50>.

Dmitrieva A. V. (2018) Achieving the Social Inclusion of Elderly People: a Continuation of Employment or «Advanced» Leisure? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 37—50. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-37-50>. (In Russ.)

Истомина А. Г., Старовойт Э. Л. Организационные паттерны социального волонтерства в Германии и России // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 92—109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4257>.

Istomina A. G., Starovoyt E. L. (2016) Organizational Patterns of Social Volunteerism in Germany and in Russia. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 2. P. 92—109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4257>. (In Russ.)

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // *Society & Security Insights*. 2018. Т. 1. № 1. С. 99—119. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)1-09](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-09).

Noyanzina O. E., Maximova S. G. (2018) Integrated Ageing: Social Policy in the Society of Demographic Security Threats. *Society & Security Insights*. Vol. 1. No. 1. P. 99—119. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)1-09](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-09). (In Russ.)

Парфенова О. А. Забота о пожилых гражданах в государственных социальных сервисах: дис. ... канд. социол. н. СПб., 2017.

Parfenova O. A. (2017) Caring for the Elderly Citizens in Public Social Services. PhD Thesis in Sociology. Saint Petersburg. (In Russ.)

Парфенова О. А., Петухова И. С. Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 173—186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2019) Competition for the Care for the Elderly: Strategies of Social Services in the New Environment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 173—186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>. (In Russ.)

Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5. С. 83—94.

Saponov D. I., Smolkin A. A. (2012) Social Exclusion of the Elderly: the Development of a Measurement Model. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 83—94. (In Russ.)

Соболева Е. В. Проблема одиночества пожилых людей // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1. С. 161—165. Soboleva Ye. V. (2018) The Problem of Loneliness among Elderly People. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. No. 1. P. 161—165. (In Russ.)

Anderson N. D., Damianakis T., Kröger E., Wagner L. M., Dawson D. R., Binns M. A., Bernstein S., Caspi E., Cook S. L., The BRAVO Team (2014) The Benefits Associated with Volunteering among Seniors: A Critical Review and Recommendations for Future Research. *Psychological Bulletin*. Vol. 140. No. 6. P. 1505—1533. <https://doi.org/10.1037/a0037610>.

Burchardt T., Le Grand J., Piachaud D. (2002) Degrees of Exclusion: Developing a Dynamic, Multidimensional Measure. In: Hills J., Le Grand J., Piachaud D. (eds.) *Understanding Social Exclusion*. Oxford: Oxford University Press. P. 30—43.

- Jehoel-Gijsbers G., Vrooman C. (2008) Social Exclusion of the Elderly: A Comparative Study of EU Member States. ENEPRI Research Report No. 57. Brussels: European Network of Economic Policy Research Institutes.
- Konrath S., Fuhrel-Forbis A., Lou A., Brown S. (2012) Motives for Volunteering are Associated with Mortality Risk in Older Adults. *Health Psychology*. Vol. 31. No. 1. P. 87—96. <https://doi.org/10.1037/a0025226>.
- Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D. (2007) The Multi-Dimensional Analysis of Social Exclusion. Bristol: Bristol Institute for Public Affairs, University of Bristol.
- Miles M. B., Huberman A. M., Huberman M. A., Huberman M. (1994) Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Morrow-Howell N., Hinterlong J., Rozario P. A., Tang F. (2003) Effects of Volunteering on the Well-Being of Older Adults. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 58. No. 3. P. 137—145. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.S137>.
- Musick M. A., Herzog A. R., House J. S. (1999) Volunteering and Mortality among Older Adults: Findings from a National Sample. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 54B. No. 3. P. 173—180. <https://doi.org/10.1093/geronb/54b.3.s173>.
- Scharf T., Keating N. (eds., 2012) From Exclusion to Inclusion in Old Age: A Global Challenge. Bristol: Policy Press.
- Sen A. (1999) Development as Freedom. New York, NY: Anchor Books.
- Silver H. (1994) Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms. *International Labour Review*. Vol. 133. No. 5—6. P. 531—578.
- Tang F., Choi E., Morrow-Howell N. (2010) Organizational Support and Volunteering Benefits for Older Adults. *The Gerontologist*. Vol. 50. No. 5. P. 603—612. <https://doi.org/10.1093/geront/gnq020>.
- Walsh K., Scharf T., Keating N. (2017) Social Exclusion of Older Persons: A Scoping Review and Conceptual Framework. *European Journal of Ageing*. Vol. 14. No. 1. P. 81—98. <https://doi.org/10.1007/s10433-016-0398-8>.